

известно самой императрице Елизаветы, которая повелела Волкова с его труппой представить в Петербург. В Ярославль был прислан сенатский регистратор Дашков, привезший высочайшее повеление о представлении Волкова с товарищами ко двору. Актёров снабдили на казенный счет теплой одеждой и повезли в Петербург на почтовых. 3-го февраля 1752 г. генераль-прокурор князь Трубецкой рапортовал государыне: „Миноваго генваря 3-го дня ваше императорское величество всемилостивѣе изустно указать мнѣ соизволили ярославскихъ купцовъ Федора Волкова съ братьями, которые въ Ярославлѣ содержатъ театръ и играютъ комедіи, и кто имъ для того еще потребенъ будетъ привезти въ С.-Петербургъ, и оный вашего императорскаго величества указъ мною въ сенатѣ записанъ, и означенные ярославцы Волковъ съ братьями и прочіе, всего двѣнадцать человекъ, сюда привезены и при дворѣ вашего императорскаго величества объявлены, о чемъ вашему императорскому величеству чрезъ сіе всеподданнѣе доношу“. Документъ этотъ устанавливаетъ дату, когда Волковъ съ ярославцами прибыли в Петербургъ, устанавливаетъ и численный составъ прибывшей труппы.

Вскорѣ послѣ пріѣзда (оный точно неизвестно, когда именно: въ февралѣ или въ мартѣ) ярославскіе актёры играли при дворѣ съ большимъ успѣхомъ. Императрица отнеслась къ нимъ очень внимательно и между прочимъ сама украшала драгоценностями Нарыкова, игравшаго по обыкновенію женскую роль. Императрица при этомъ нашла, что Нарыковъ похожъ на польскаго графа Дмитревскаго, и повелѣла, чтобы онъ принялъ фамилію Дмитревскій. Подъ этой фамиліей онъ и сдѣлался впоследствии известенъ какъ актёр, дѣятель по организаціи театра и какъ авторъ.

Такимъ образомъ, Волковъ и самъ вышелъ на широкое поприще столичнаго актёра, и вывелъ за собою еще нѣсколько даровитыхъ молодыхъ людей, также предавшихся театру. Мечты юноши-самоучки осуществились: онъ сдѣлался не только актёромъ, но и организаторомъ театрального дѣла въ Россіи. Послѣ устройства сцены въ Ярославлѣ, онъ призывается затѣмъ в Петербургъ и занимается устройствомъ театра тамъ, а также командированъ дважды въ Москву для организаціи театрального дѣла. И все это онъ исполняетъ съ успѣхомъ. По пріѣздѣ в Петербургъ онъ скорѣ привлекаетъ на сцену первыхъ русскихъ актрисъ. Въ столицахъ Волкову было легче вести дѣла, съ него спадало много черновой работы по декораторской части и пр. Онъ могъ больше времени отдавать собственно сценѣ, а также литературѣ. И что всего замѣчательнѣе, это—его постоянное и упорное стремленіе къ самообразованію: какъ въ первый разъ онъ пріѣзжалъ въ Москву и въ Петербургъ главнымъ образомъ въ цѣляхъ образовательныхъ, такъ и теперь, актёръ, пользовавшійся успѣхомъ, уже достигшій известности, славы, не задумываясь садится на ученическую скамью. Въ 1754 г. Волковъ и братъ его Григорій, равно какъ и нѣкоторые другіе молодые люди, по высочайшему повелѣнію опредѣлены въ кадетскій корпусъ. Они должны были обучаться наукамъ и языкамъ съ кадетами,

но освобождены были отъ воинскихъ экзерцицій и носили особую одежду, безъ шпаги (потомъ имъ дана была и шпага). Обучаясь въ корпусѣ, они оставались актёрами, и цѣль обученія ихъ имѣла въ виду ихъ сценическую дѣятельность. Насколько серьезно относился къ своимъ занятіямъ Волковъ, видно изъ того, что онъ очень много читалъ и выписывалъ себѣ книги изъ-за границы, тратя на это все, что могъ. Въ 1756 г. онъ доносилъ канцеляріи шляхетскаго корпуса: „Предъ нѣкоторыми временами выписалъ я, Федоръ Волковъ, изъ-за моря потребныхъ для меня нѣсколько книгъ театральныхъ и проспективическихъ, но какъ я не имѣлъ заплатить за оныя готовыхъ у себя тогда денегъ, то принужденъ былъ нѣкоторыя вещи свои, о которыхъ упомянуто будетъ, заложить, занять и на то употребить. Но понеже тѣ заложенныя вещи мнѣ вынѣ, а особливо для наступающаго зимняго времени, весьма нужны“, то проситъ выдать ему денегъ на выкупъ: епанчи лисьей — 19 р. да плаща суконнаго—13 рублей и пр.

Въ 1756 г. Волковъ оставилъ корпусъ и получилъ званіе перваго придворнаго актёра. Къ этому году и относится знаменитый указъ 30-го августа объ устройствѣ театра: „Повелѣли мы нынѣ учредить русскій для представленія трагедій и комедій театръ, для котораго отдать Головинскій казенный домъ, что на Васильевскомъ острову“, и пр. На содержаніе театра опредѣлена сумма въ 5,000 р. въ годъ. Директоромъ театра назначенъ Сумароковъ.

Волковъ пользовался большимъ успѣхомъ на сценѣ. Онъ исполнялъ и комическія, и трагическія роли. Одинъ изъ современниковъ называетъ игру Волкова „бѣшеною“, другой говоритъ объ ея жизненности и простотѣ, о „природной игрѣ“.

Волковъ продолжалъ много писать и переводить для сцены; онъ писалъ и не для сцены. Изъ его литературныхъ трудовъ до насъ почти ничего не дошло. Известна одна его эпиграмма:

Всадника хвалить: хорошъ молодецъ.
Хвалить другіе: хорошъ жеребецъ.
Полно, не спорьте: и конь, и дѣтина
Оба красивы, да оба скотина.

Современники очень одобряли оду Волкова въ честь Петра Великаго. Новиковъ, когда составлялъ біографію Волкова, искалъ его произведеній и тогда уже не могъ ихъ найти. Онъ между прочимъ приводитъ заглавіе двухъ пѣсень, сочиненныхъ Волковымъ. Одна изъ нихъ позднѣе была записана изъ устъ народа, распѣваемаго ее. Вотъ ея начало:

Какъ проходить дорогая мимо кельи,
Мимо кельи, гдѣ чернецъ бѣднѣе горюетъ,
Гдѣ постриженъ добрый молодецъ певодей,
Гдѣ наказанъ онъ суровой въ жизни долей...

Изъ сценическихъ произведеній Волкова до насъ дошла только программа маскарада, составленная имъ въ 1763 г. для московскихъ улицъ во время коронаціи Екатерины и озаглавленная „Торжествующая Империя“. Характеръ маскарада былъ сатирический. Въ немъ осмѣивалось мздоимство, обманъ, мотовство, пьянство и пр. Маскарадъ заключался „Золотымъ вѣнкомъ“, гдѣ прославлялась Екатерина. Любопытно, что въ пятидесятыхъ годахъ нашего столѣтія цензура вычеркнула изъ перепечатки этой программы въ *Московитинѣ* нѣкоторыя мѣста, которыя по-

томъ появились въ печати, если не ошибаясь, впервые только въ 1885 г.

Маскарадъ 1763 г. былъ лебединой пѣсней Волкова. Развѣзая для его устройства по улицамъ, онъ схватилъ простуду, которая и свела его въ могилу. Онъ скончался 4-го апрѣля 1763 г. въ Москвѣ и торжественно погребенъ въ Андроніевскомъ монастырѣ. Могила его не сохранилась.

Надо еще упомянуть, что Волковъ принималъ участіе въ переворотѣ, возведшемъ на престолъ Екатерину. Преданіе говоритъ, что онъ вывелъ изъ большого затрудненія государыню, импровизовавъ въ церкви манифестъ, заранѣе не заготовленный. Екатерина наградила Волкова и брата его Гаврилу: они получили дворянство и 700 душъ крестьянъ.

Приведемъ въ заключеніе характеристику Волкова, оставленную Новиковымъ. „Сей мужъ былъ великаго, общаго и проницательнаго разума, основательнаго и здраваго сужденія и рѣдкихъ дарованій, украшенныхъ многими ученіемъ и прилежнымъ чтеніемъ наилучшихъ книгъ. Театральное искусство зналъ онъ въ высшемъ степенѣ; при семъ былъ изрядный стихотворецъ, хорошій живописецъ, довольно искусный музыкантъ на многихъ инструментахъ, посредственный скульпторъ, однимъ словомъ—человѣкъ многихъ знаній въ довольномъ степенѣ“. Живописью и скульптурой Волковъ началъ заниматься еще въ Ярославлѣ. Единственнымъ дошедшимъ до насъ его произведеніемъ въ этой области является царскія врата въ одной изъ ярославскихъ церквей, имъ сдѣланныя. Самое занятіе различными искусствами показываетъ особенно богато одаренную природу.

Другой современникъ, Фонвизинъ, называетъ Волкова „мужемъ глубокаго разума, наполненнаго достоинствами, который имѣлъ большія знанія и могъ бы быть человѣкомъ государственнымъ“.

Рано скончался Волковъ, но онъ успѣлъ много сдѣлать, и дѣло его было прочно. Начиная съ театра, устроеннаго имъ въ Ярославлѣ, русская сцена продолжала развиваться безъ перерыва. Въ этомъ смыслѣ Волковъ долженъ навсегда сохранивъ за собою почетное названіе —

основателя русскаго театра. Но значеніе Волкова не исчерпывается только этимъ. Онъ былъ выстѣ съ тѣмъ даровитый артистъ, имѣвшій крупное вліяніе на современниковъ ему актёровъ. Онъ былъ для нихъ да и остается для всѣхъ своихъ преемниковъ поучительнымъ примѣромъ еще въ другомъ отношеніи. Онъ всегда много и усленно работалъ надъ своимъ образованіемъ, особенно въ области драматическаго искусства. Не надѣясь на свой талантъ только, на свою „бѣшеную игру“, онъ клалъ въ основу своего служенія искусству трудъ, изученіе, науку.

Полтораэта лѣтъ уже отдѣляютъ насъ отъ начала дѣятельности Волкова, рано прерванной его преждевременной смертью. И тѣмъ не менѣе Волковъ и его служеніе русской сценѣ представляются еще чѣмъ-то близкимъ, живымъ. Это объясняется тѣмъ, что другъ и ученикъ Волкова Дмитревскій игралъ еще въ нынѣшнемъ столѣтіи, а наиболѣе вліятельный артистъ новой русской сцены Щепкинъ началъ свою дѣятельность въ началѣ столѣтія, когда еще были свѣжи и крѣпки

См. сл. л.